

**КИТАЙСКАЯ ЗОЛУШКА И ЕЕ РУССКИЕ «СЕСТРЫ»
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СКАЗОК
СЮЖЕТНОГО ТИПА АТУ 510А)**

Ван Тэн

michaelwangteng@gmail.com

Свободный исследователь

Калининград, Россия

Ключевые слова: китайский фольклор, китайские сказки, русские сказки, волшебная сказка, сюжетный тип, сравнительный анализ, Золушка, Е Сянь

Аннотация. В статье сопоставляются китайская и русские версии сказок, относящихся к сюжетному типу АТУ 510А «Золушка». Китайская история «Е Сянь» известна в составе литературного памятника IX в.; русские тексты, имеющие фольклорную природу, записаны много позднее, в XIX в. Их сопоставление позволяет выявить общие сюжетные элементы и культурно обусловленные различия. Кроме того, включение литературного памятника, имеющего устные истоки, в соответствующий типологический ряд фольклорных произведений раскрывает спектр «нарративных перспектив» сюжета: становится более очевидным набор возможного варьирования повествовательных элементов и их семантических возможностей. Китайская версия «Золушки» обладает очевидными жанровыми признаками волшебной сказки: ее героиня – девушка-сирота, которая в конце вознаграждается браком с правителем, нашедшим ее по потерянной туфельке. История Е Сянь контаминируется с другим сюжетным типом – СУС 511: в первой части сказки героиня получает помощь от костей чудесного животного (большой рыбы, за которой ухаживала). При этом повествовательная рамка моделирует произведение как жизнеописание конкретной девушки, принадлежавшей к народу Дун. Своеобразное нарушение повествовательных законов фольклорной сказки можно увидеть в том, что после свадьбы жизнь главной героини оттесняется на периферию сюжета, а в центре оказываются события, связанные с ее супругом – правителем острова. Китайская версия интересна и тем, что включает признаки иного жанра – этиологической легенды или предания: история Е Сянь становится объяснением местного топонима и названного им почитаемого объекта (легендарной могилы мачехи и ее дочери, куда люди приходили просить о хорошей невесте). Приложение к статье включает авторский перевод сказки «Е Сянь» с китайского на русский язык.

CHINESE CINDERELLA AND HER RUSSIAN “SISTERS” (COMPARATIVE ANALYSIS OF FAIRY TALES TYPE ATU 510A)

Van Ten

*Independent researcher
Kaliningrad, Russia*

Keywords: Chinese folklore, Chinese fairy tales, Russian fairy tales, plot type, comparative analysis, Cinderella, Ye Xian

Summary. The article compares the Chinese and Russian versions of fairy tales related to the plot type of ATU 510A “Cinderella”. The Chinese history of “Ye Xian” is known as part of a literary monument of the IX century; Russian texts having a folklore nature appeared much later, in the XIX century. Their comparison allows us to identify common plot elements and culturally determined differences. In addition, the inclusion of a literary monument with oral origins in the corresponding typological series of folklore works reveals the range of “narrative perspectives” of the plot: the set of possible variations of narrative elements and their semantic possibilities becomes more obvious. The Chinese version of “Cinderella” has obvious genre features of a fairy tale: its main character is an orphan girl who is rewarded in the end by marriage with the ruler, who found her by the shoe she lost. The plot of “Ye Xian” is a contamination with another plot type: in the first part of the fairy tale, the main character receives help from the bones of a magic animal (a large fish, which she took care of). At the same time, the narrative frame models the fairy tale as the life story of a particular girl who belonged to the Dong people. A peculiar violation of the narrative laws of a folk tale can be seen in the fact that after the wedding, the life of the main character is pushed to the periphery of the plot, and the events associated with her husband, the ruler of the island, are in the center. The Chinese version is also interesting because it includes signs of a different genre – an etiological legend: the story of Ye Xian becomes an explanation of the local toponym and the revered object named by it (the legendary grave of a stepmother and her daughter, where people came to ask for a good bride). The appendix to the article includes the author’s translation of the fairy tale “Ye Xian” from Chinese into Russian.

Формулировка проблемы

Сопоставительный анализ русских и китайских фольклорных сказок предоставляет широчайшее поле для исследования. Сравнивать можно различные жанровые разновидности, отдельные сюжеты и образы, отражение мифологических представлений и религиозных

обрядов и многое другое. В XX в. фольклорными сюжетами, в т.ч. известными в составе литературных произведений, занимался советский и российский синолог, академик Б.Л. Рифтин (Рифтин, 1961; Рифтин, 1970; Рифтин, 1972). В предисловии к составленному им сказочному сборнику он охарактеризовал некоторые типичные особенности героев и сюжетов китайских сказок (Рифтин, 1972). В настоящее время изучением отражения фольклорных элементов в литературе Китая занимается А.Б. Старостина, основное внимание она уделяет сюжетам, которые можно было бы отнести к мифологическим рассказам и преданиям (Старостина, 2017; Старостина, 2017а). В последние годы в России и в Китае стали обращаться и к сравнительному изучению сказок как таковых. Этой теме посвящено несколько кандидатских и магистерских диссертационных исследований. Так, Кун Ай Лин исследует восприятие русских сказок китайскими студентами, обращая особое внимание на трудности понимания, обусловленные особенностями языка русских сказок, а также несовпадением их сюжетов с китайскими народными сказками (Кун Ай Лин, 2009). Ли Цайся характеризует подходы к изучению сказок, сложившиеся в китайской фольклористике, и обращается к сравнительному анализу русских и китайских волшебных сказок, выявляя в них реализацию типичного набора персонажных функций, выделенных В.Я. Проппом (Ли Цайся, 2017). Но фольклорное сказочное наследие двух стран хранит еще много загадок и вопросов, которые могут послужить стимулом для новых научных трудов.

Постановка проблемы

Эта статья посвящена сходству и различиям русских и китайских волшебных сказок на сюжетном и образном уровне. Для сопоставительного анализа выбраны версии, имеющие черты одного и того же или близкого сюжетного типа – АТУ 510А, в русской традиции известного как «Золушка». Цель работы – сопоставить китайскую и русские сказки, чтобы выявить общие сюжетные элементы, а также культурно обусловленные различия.

Конечно, сравнительный анализ русских и китайских сказок с методологической точки зрения не является беспроблемным. Во-первых, это две далеко отстоящие друг от друга традиции; во-вторых, значительная часть китайских сказочных фольклорных сюжетов дошла до нас в составе старинных литературных сборников или в значительной литературной обработке (тогда как русские сказки представляют собой аутентичные, но при этом гораздо более поздние записи). Если «фольклорный источник», подлежащий анализу, – это не

образец устной традиции, а «продукт реконструкции», его изначальный устный облик может быть представлен лишь приблизительно. Анализ фольклорной основы произведения может в этом случае базироваться на сюжетно-образном уровне; лексическая же составляющая является самым «ненадежным» материалом для исследования (тем более когда речь идет об иноязычных / переведенных источниках). Сказанное касается и китайской сказки «Е Сянь», относящейся к сюжетному типу ATU 510A: она известна нам в составе литературного сборника IX в.

Раздел науки о фольклоре, изучающий устные истоки письменных текстов, С.Ю. Неклюдов предлагает называть палеофольклористикой. По его мнению, ее основным инструментом является типологическая реконструкция, которая базируется на установлении структурно-семантических параллелей между книжными произведениями, с одной стороны, и темами, сюжетами, мотивами устной повествовательной словесности народов мира – с другой. Включение подобных литературных памятников в соответствующие типологические ряды расширяет спектр «нарративных перспектив» – т.е. набор возможного варьирования изучаемых элементов и их семантических возможностей (которые без подобного сравнительного анализа не будут замечены) (Неклюдов, 2017: 2). Этот подход, на наш взгляд, оправдывает возможность сравнительного анализа русских и китайских сказок и объясняет, что мы получим в итоге. Сопоставление разных национальных версий одного сюжетного типа расширяет спектр возможного варьирования этого сюжета и его отдельных элементов, что по-своему познавательно.

Основным материалом нашего исследования послужила одна китайская и четыре русских сказки, извлеченные из разных сборников¹. Сказочная история «Е Сянь» была записана в эпоху династии Тан писателем Дуань Чэнши (段成式, примерно 803–863 гг.) и напечатана в сборнике «Всякая всячина из Юяна» («酉阳杂俎»)²; сказка взята нами из переиздания сборника 2012 г. (Дуань Чэнши, 2012) и переведена с китайского языка на русский (полный текст перевод см. в Приложении к этой статье). Для сопоставительного анализа выбраны

¹ Выражаем признательность фольклористам В.Е. Добровольской и С.Ю. Королёвой за советы, связанные с выбором вариантов сказок и работой со сказочной традицией.

² Состав сборник «Всякая всячина из Юяна» неоднороден: он включает в себя 30 томов, отдельные части которых содержат цитаты из античных книг, записи «подслушанных историй», жизнеописания людей (от императора и придворных до бедных даосских монахов и простых людей), даосские и буддийские легенды, анекдоты, заметки по культуре и искусству, описания природы, рецепты лекарств и многое другое – это своего рода энциклопедия социальной и культурной жизни эпохи Тан.

тексты из известного трехтомного собрания «Народные русские сказки», составленного А.Н. Афанасьевым и впервые опубликованного в 1855–1863 гг. Это одно из наиболее полных по сюжетному составу собраний русских сказок. Важно и то, что варианты «Золушки» из этого сборника еще не испытали сильного унифицирующего влияния литературной традиции, а именно русских переводов французской сказки Ш. Перро и немецкой – братьев Гримм³. С середины XIX в. воздействие этих литературных образцов, многократно переиздаваемых в виде детских книг, на русскую фольклорную традицию становится всё более существенным (Добровольская, 2019) и в дальнейшем, в XX в., приводит к заметной «стандартизации» устных сюжетных вариантов, которые первоначально были более разнообразными.

Прежде чем приступить к сравнительному анализу китайской и русских версий, нужно сказать несколько слов о понимании сказочных жанров в китайской фольклористике. Русское обозначение «сказка» не имеет точного соответствия в китайском языке. Обычно оно переводится как *тонхуа гуши* (童话故事), что буквально означает ‘истории для детей’, т.е. детские сказки. Понятие *миньцзиан гуши* (民间故事) – дословно ‘народные истории’ – употребляется в основном в научной среде. При этом одни ученые понимают термин в узком смысле, который можно соотнести с традиционно принятым в российском литературоведении и фольклористике понятием «фольклорная сказка», а другие понимают народную сказку в широком смысле слова и включают в это понятие не только собственно сказки, но и мифы, легенды, басни, анекдоты и т.д. – т.е. практически всю совокупность прозаических фольклорных жанров (Дуань Баолинь, 1998: 42).

Целенаправленный интерес китайских литературоведов к сбору, изучению и классификации фольклора возник после движения «4 мая» (1919 г.); тогда же возникает китайская фольклористика. В первой трети XX в. особенно активно публиковались собрания народных песен, и лишь позднее исследователей начали вдохновлять прозаические фольклорные жанры, в т.ч. *миньцзиан гуши* ‘народные

³ «Сказки моей матушки Гусыни» (1697) Ш. Перро впервые переведены на русский язык в 1768 г., новые переводы выполнены в 1781 и 1845 гг.; наиболее известным стал перевод И.С. Тургенева, сделанный в 1867 г. («Волшебные сказки Перро», типография М.О. Вольфа). <https://olden.rsl.ru/ru/s7/s381/2017/charlesperault> (дата обращения: 02.04.2021). «Детские и семейные сказки» (1812) братьев Гримм полностью переведены на русский язык в 1863–64 гг. https://ru.wikipedia.org/wiki/Сказки_братьев_Гримм (дата обращения: 02.04.2021).

истории'. Они всё чаще появлялись в печати, включая детские журналы. Со второй трети прошлого столетия фольклорные сказки народов Китая начали составлять конкуренцию сказкам братьев Гримм и Г.-Х. Андерсена. Сюжеты и герои некоторых сказок стали особенно популярными (и до сих пор входят в сборники для детей): это «Девушка-улитка», «Бабушка-тигрица», «Дочь морского короля-дракона», «Ларец с драгоценностями» и др. (подробнее о собирании и изучении фольклорных сказок в Китае см. (Ван Тэн, 2021)).

В этот период – отчасти под влиянием работ западных ученых – такие «древние сказания», как «Е Сянь» («叶限») и «Пан И» («庞恒») из сборника «Всякая всячина из Юяна», которые ранее рассматривались как «истории о духах», предстали перед китайскими исследователями в новом свете (Тянь И, 1981). Стала очевидной связь этих произведений с народной сказочной традицией, открылись новые перспективы их изучения.

Китайская сказка «Е Сянь». Помощь от костей священного животного

Исследователей фольклора давно удивляет кочующий по миру сюжет «Золушки». Считается, что прототипом этой истории стала гетера Родопис (букв. 'Румянолицая'; настоящее имя, возможно, Дориха), жившая предположительно в VI в. до н. э., – современница поэтессы Сапфо, проданная в рабство в Египет, но выкупленная влюбленным в нее аристократом и отпущенная на свободу⁴. После смерти Родопис ее жизнь стала обрастать слухами и преданиями, одно из которых в конце I в. до н.э. пересказал античный историк и географ Страбон:

«Пирамида эта называется “Гробницей гетеры”; она построена любовниками гетеры, которую Сапфо <...> называет Дорихой, возлюбленной ее брата Харакса, привозившего в Навкратис на продажу лесбосское вино; другие же называют ее Родопис. Они рассказывают мифическую историю о том, что во время купания орел похитил одну из сандалий Родопис у служанки и принес в Мемфис; в то время, когда царь производил там суд на открытом воздухе, орел, паря над его головой, бросил сандалию ему на колени. Царь же, изумленный как прекрасной формой сандалии, так и странным происшествием, послал людей во все стороны на поиски женщины, которая носила эту сандалию. Когда ее нашли в городе Навкратисе и

⁴ Родопис. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Родопис> (дата обращения: 05.05.2021).

привезли в Мемфис, она стала женой царя; после кончины царица была удостоена погребения в вышеупомянутой гробнице» (Страбон, 1994: 745).

В этой версии уже присутствует важный мотив опознания героини по ее туфельке, как и последующий брак с царем, однако разработка сюжета еще далека от волшебной сказки. Сдвиг в область сказочной поэтики обнаруживается в китайской истории IX в. «Е Сянь».

Сюжет китайской сказки таков. После смерти отца Е Сянь осталась жить с мачехой, которая ее не любила. Однажды, когда девушка набирала воду, она поймала небольшую рыбку и стала растить ее в пруду в секрете от всех. Мачеха обманом убила и съела рыбу. Волшебный старец рассказал об этом Е Сянь и велел ей спрятать рыбки кости. Чего бы Е Сянь ни попросила у костей, ее желание исполнялось. Когда мачеха со своей родной дочерью ушла на праздник, Е Сянь попросила у косточек прекрасное платье и туфли и тоже отправилась туда. По дороге обратно она потеряла туфлю, которая попала к королю. Он приказал своим солдатам проверить каждый дом, чтобы найти ту, кому она принадлежит. Когда они нашли Е Сянь, все узнали правду. Король приказал доставить девушку вместе с волшебными костями к нему. Как только Е Сянь увезли, с неба на мачеху и ее дочь посыпались камни и убили их. Король женился на Е Сянь.

В этой сказке имеет место контаминация двух сюжетных типов, которые встречаются и в русских сказах. Во-первых, это СУС 511 «Чудесная корова»: «сирота должна пасти скотину и делать непосильную работу; ей помогает корова; хозяйские (мечехины) дочери (одноглазка и трехглазка) подсматривают и добиваются, что корову убивают; из косточек коровы вырастает дерево, плоды которого может рвать только сирота – перед другими ветки поднимаются вверх; сирота становится женой царевича» (СУС, 1979: 146). Из сборника А.Н. Афанасьева для сопоставительного анализа мы выбрали два варианта сказки этого сюжетного типа: № 100 «Крошечка-Хаврошечка» и № 101 «Бурёнушка». Другой сюжетный тип, еще более сходный с китайской сказкой «Е Сянь» – это АТУ 510А «Золушка»; вот как он описан в «Сравнительном указателе сюжетов» на материале восточнославянских сказок: «мачеха заставляет падчерицу делать черную работу, девушке помогает покойная мать или животные; неузнанная, она танцует во дворце в чудесном платье, которое получила от матери; царевич в нее влюбляется, она прячется, ее узнают по потерянному башмачку» (СУС, 1979: 145) В сборнике

Афанасьева этот сюжетный тип представлен текстами № 292 «Золотой башмачок» и № 293 «Чернушка».

Обратимся сначала к анализу той части китайской сказки, которая соответствует сюжетному типу СУС 511. Здесь нам интересен мотив получения волшебной помощи от костей чудесного животного. В исследованиях фольклора не раз отмечалось отражение в волшебных сказках различных форм т.н. «тотемизма» (в российской научной традиции сохраняется практика употребления этого термина в широком смысле – как любого почитания животных и растений): «Особенно часто животные-тотемы являются чудесными помощниками героя. Они могут быть связаны с умершими родителями» (Зуева, Кирдан 1998: 149). В русских сказках корову-помощницу героини убивают по приказу злой мачехи, героиня не ест ее мяса, сажает в землю ее кости/кишки, и на этом месте вырастает чудесное дерево. В сказке «Крошечка-Хаврошечка» эти события описаны так: «...старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу: “Режь рябую корову!” Старик так-сяк: “Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!” – “Режь, да и только!” Наточил ножик... Побежала Хаврошечка к коровушке: “Коровушка-матушка! Тебя хотят резать”. – “А ты, красная девица, не ешь моего мяса; косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассади и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай”. Хаврошечка все сделала, что коровушка завещала; голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая – боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо – останавливается, кто проходит близко – тот заглядывается» (Афанасьев, №100). Похожая ситуация есть и в варианте сказки «Бурёнушка»: «Ягишна приказывает: “Режь, старик, коровушку-бурёнушку”. Старик зарезал; Марья-царевна просит: “Дай, дедушка родимый, хоть гузённую кишочку мне”. Бросил старик ей гузённую кишочку; она взяла, посадила ее к вербе – вырос ракитов куст, на нем красуются сладкие ягодки, на нем сидят разные птишечки да поют песни царские и крестьянские» (Афанасьев, №101).

Китайская сказка также имеет черты этого сюжетного типа. Но здесь героиня не знает о намерении мачехи убить чудесное животное и узнает о том, что случилось, от волшебного старца: «Мать же надела ее одежду, в рукав спрятала острый нож и пошла к пруду звать рыбу, только рыба высунула голову, как она ее и зарезала. А рыба уже была длиной в чжан с лишним, она съела её мясо – оно было во много раз вкуснее обычной рыбы, а кости спрятала под навозной кучей. На

следующий день девушка пришла к пруду, но так и не увидела рыбы и пошла плакать в поле. Вдруг с неба спустился человек <...> и стал утешать девочку, он сказал: “Не плачь! Это твоя мать убила твою рыбу, а кости [бросила] под навоз. Ты возвращайся, достань кости и спрячь у себя в комнате. Если тебе что-то будет нужно – просто попроси у них, и это тут же появится”». Еще одним отличием является то, что героиня китайской сказки не закапывает рыбы кости, а прячет их у себя в комнате, и они исполняют все ее желания, т.е. выполняют функцию волшебного предмета: «Девушка воспользовалась его словами и по желанию получала золото, жемчуга, одежду и еду» (Дуань Чэнши, 2012: 124).

Сходство между всеми тремя вариантами заключается в том, что героиня не ест мяса убитого животного, хотя и делает это по разным причинам. В одном из вариантов русской сказки «Крошечка-Хаврошечка» сама корова наказывает девушке не есть ее мяса, в «Бурёнушке» девушке мяса не дают, а в сказке «Е Сянь» девушка даже не знает о том, что ее любимую рыбу убили. Стоит отметить такой отличительный момент, что в китайской сказке рыба не помогала героине до своей смерти, – напротив, героиня долго заботилась о ней, чем, по-видимому, и заслужила награду.

Чудесная туфелька вступает в дело

Другой сюжетный тип, который составляет основу китайской сказки «Е Сянь» – это АТУ 510А. И в ней, и в двух русских вариантах имеется сходная ситуация: мачеха/мать с родной дочерью/двумя дочерьми отправляются на праздник/в церковь, а героиню оставляют дома. С помощью своего животного-покровителя героиня получает красивый наряд и отправляется вслед за ними. Героиня спешит вернуться домой и теряет туфельку. Туфля попадает к князю/царевичу/королю, и тот приказывает найти девушку, которой она будет в пору. Туфля мала всем, кроме героини. Князь/царевич/король женится на героине.

Обратим внимание на сюжетно-образные особенности китайской сказки в сравнении с двумя русскими вариантами. В чтобы помешать героине поехать на бал, в русских сказках ей дают невыполнимое задание, которое за девушку выполняет чудесный помощник: *«Вот уехала мачеха с дочерьми на княжий праздник, а падчерице оставила целую меру ячменя, муки и сажу: все вместе перемешано, – и приказала до ее приезда разобрать все по зернышку, по крупинке. Маша вышла на крыльцо и горько заплакала; прилетели два голубка, разобрали ей ячмень, и муку, и сажу»* (Афанасьев, № 293); *«Она*

[мать] нарядила сестру ее в самое лучшее лопотье и пошла с ней в церковь к обедне, а младшей оставила две меры ржи и велела ей вычистить до прихода из церкви. Девушка пошла за водой, сидит у колодца и плачет; рыбка выплыла наверх и спрашивает ее: “Об чем ты, красная девица, плачешь?” – “Как же не плакать мне? – отвечает ей красная девица. – Мати нарядила сестру мою в самое лучшее лопотье, ушла с ней к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить две меры ржи до прихода своего из церкви!” Рыбка говорит: “Не плачь, ступай наряжайся да поезжай в церковь; будет рожь вычищена!”» (Афанасьев, № 292). Примечательно, что во втором варианте сказки волшебной помощницей героини выступает рыбка.

В китайской сказке героиня не получает невыполнимых заданий: «Пришло время дунского праздника, мать отправилась туда, а дочери приказала стеречь дом». Здесь же стоит обратить внимание на то, что в русских сказках героиням помогают волшебные животные, которые появляются неожиданно. В китайской же сказке героиня проявляет инициативу и сама просит у волшебных костей красивый наряд, чтобы пойти на праздник: «Девушка подождала, пока мать уйдет подальше, и отправилась вслед, надев платье из перьев зимородка и золотые башимачки» (Дуань Чэнши, 2012: 124).

Эту сюжетную разницу можно объяснить так: в русских сказках награду или помощь можно получить просто как компенсацию за несправедливое отношение, а испытания при этом можно избежать. В китайской сказке обычно только конкретное действие заслуживает награду, а испытания избежать нельзя.

В китайской сказке сестра и мачеха узнают героиню, в то время как в русских сказках героиня остается неузнанной: «Мати не могла ее опознать» (Афанасьев, № 292); «а мачеха и сестры ее совсем не узнали» (Афанасьев, № 292:). Сравним с китайской версией: «Родная дочь мачехи узнала ее и сказала матери: “Вон та уж очень похожа на сестрицу!” Мать тоже заподозрила ее. Девушка почувствовала это, и поспешила вернуться [домой]». Только вернувшись с праздника и увидев Е Сянь, мачеха решает, что обозналась: «Мать возвратилась и увидела, что девушка спит во дворе, обняв дерево, и не думала больше на нее» (Дуань Чэнши, 2012: 124).

Следующая ситуация, объединяющая все три варианта сказки – это узнавание по туфельке. Если в русских сказках принц/князь видит героиню и намеренно делает так, чтобы она потеряла туфлю, а затем приказывает всем дамам ее примерить, чтобы найти владелицу, то в китайской сказке героиня теряет туфлю случайно, ее находит

прохожий и продает в соседнее государство. Увидев изящную туфельку, король заинтересовался, кому она могла принадлежать, и так нашел Е Сянь.

Вот описание этого эпизода в сказке «Чернушка»: «а князь загодя приказал всю лестницу улить смолою и детям. Один башмачок ее прилип к смоле и остался на лестнице; князь взял его и на другой же день велел разыскать, кому башмачок впору. Весь город обошли – никому башмачок по ноге не приходится; наконец пришли к мачехе. Взяла она башмачок и стала примерять старшей дочери – нет, не лезет, велика нога! <...> Посланные увидели Машу, приказали ей примерить; она надела башмачок – и в ту же минуту очутилось на ней прекрасное блестящее платье» (Афанасьев, № 293). Из варианта «Золотой башмачок»: «Был в то время у обедни той стороны царевич; красна девица наша болсно ему поглянулась; он захотел узнать: чья этакая? Взял да и бросил ей под башмак смолы. Башмак остался, а она уехала домой. <...> А в те поры царевич по всем волостям искал дѣвицы, что потеряла башмак; никак он не мог найти, чтоб башмачок был впору. Он пришел к старухе и говорит: “Покажи-ка ты свою девку, ладен ли будет башмак ей?” – “Дочь моя замарает башмак”, – отвечает старуха. Пришла красна девица; царевич примерил ей башмак – башмак ей ладен» (Афанасьев, № 292).

А вот описание сходной ситуации в версии «Е Сянь»: «Девушка... поспешила вернуться и потеряла башмачок, который подобрал один из дунцев. <...> Тот дунец и продал башмачок в Тохань, там он попал к правителю страны <...>. Тогда он приказал всем женщинам государства примерить его, но не нашлось ни одной, кому бы он подошел. <...> Тоханьский ван недоумевал. <...> Е Сянь надела шелковое платье с перьями зимородка, обула башмачки и вошла, похожая на небожительницу. Тогда ван всё узнал, взял рыбы кости и Е Сянь и вместе с ними вернулся в свое государство» (Дуань Чэнши, 2012: 124).

Во всех этих текстах присутствует мотив использования туфли для узнавания героини. Интересно, что всем, кроме героини, туфля оказывается мала, следовательно, маленький размер ноги является показателем уникальности и привлекательности. В китайской сказке это может соотноситься с обычаем бинтования ног⁵, но он появился только в X в., в то время как первый текст этой сказки относят еще к IX в. Тем не менее, такой фольклорный мотив говорит о том, что во

⁵ 缠足 (чаньцзю) – буквально ‘связанная ступня’ – обычай перевязывать девочкам ступни и ходить в обуви малого размера, деформированные ноги назывались ‘золотыми лотосами».

многих культурах маленьких размер ноги был признаком женской красоты.

Символично, что в разных культурных традициях именно такой атрибут, как туфелька, выполняет функцию «узнавания героини». И в русской, и в китайской культуре туфля несет в себе сразу несколько символических значений. Это, во-первых, показатель высокого социального статуса (в сказке туфли героини богато украшены или сделаны из очень дорогого материала), золотой цвет туфель в фольклоре к тому же маркирует этот предмет как полученный из волшебного (другого, иного) мира. Туфли – это и символ пары (ср. рус. *два башмака/сапога пара*), часто туфелька рассматривается как древний символ брака, что проявляется в различных обрядах (в России – святочное гадание о замужестве по брошенному башмаку; в Китае в старину каждая девушка должна была сшить и вышить себе к свадьбе красивые матерчатые туфли).

Обратимся еще к одному мотиву, объединяющему сказки «Е Сянь» и «Чернушка», – это наказание мачехи и сестры. В обоих случаях наказание носит сверхъестественный характер: *«Когда пошла она с князем к венцу, то прилетели два голубка и сели к ней один на одно плечо, другой на другое; а как воротились из церкви, голубки вспорхнули, кинулись на мачехиных дочерей и выклевали у них по глазу»* (Афанасьев, №293); *«Мать и ее родную дочь убили насмерть летящие [с неба] камни»* (Дуань Чэнши, 2012: 124). В русской сказке наказание приходит от голубей – помощников героини, и оно менее суровое, чем в китайской сказке, где героини-антагонисты погибают. Яркой отличительной особенностью китайской версии является упоминание, что *«дунцам было их очень жаль, и они захоронили их в каменной яме и назвали её “Могилы [насыпь] соболезнования женщинам”*. *Дунцы считали, что если провести ритуал и попросить у них невесту, то просьба обязательно исполнится»* (Дуань Чэнши, 2012: 124). Так в сказочный текст вводится топоним, а вся сказка превращается в его этимологическое объяснение⁶. Подобный поворот характерен скорее для этимологического предания, нежели для волшебной сказки, что в очередной раз подчеркивает специфичность китайского сказочного повествования.

⁶ Сходным образом Страбон вводит в свое повествование историю о Родопис: она нужна ему, чтобы объяснить название небольшой пирамиды *Гробница гетеры*, как и появление этой пирамиды.

Тонкости семейных отношений

Стоит обратить внимание и на такие образы и мотивы, которые объединят все пять рассмотренных нами сказочных текстов. Они прежде всего связаны с первоначальным статусом героини и ее антагонистами. Героиней во всех этих сказках выступает юная девушка, а антагонистом – не любящая ее мачеха (в одном русском варианте – мать), т.е. основной конфликт здесь – семейный. Вот как это описано в сказке «Е Сянь»: *«Он [отец] взял себе две жены, одна жена умерла и оставила дочь по имени Е Сянь. <...> Время пришло, и отец умер, и от мачехи досталось ей много горя, та часто посылала ее за хворостом в горы и за водой к глубокому озеру»* (Дуань Чэнши, 2012: 124). Сходным образом дело обстоит в русских сказках. «Крошечка-Хаврошечка»: *«Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили»* (Афанасьев, № 100); «Бурёнушка»: *«был-жил царь с царицею, и была у них одна дочь, Марья-царевна. А как умерла царица, то царь взял другую жену, Ягишину. <...> Мачеха не залюбила Марьи-царевны...»* (Афанасьев, № 101); «Чернушка»: *«Жил-был барин; у него была жена добрая, а дочь красавица – звали ее Машею. Только жена-то померла, а он на другой женился – на вдове; у той своих было две дочери, да такие злые, недобрые!»* (Афанасьев, № 293); «Золотой башмачок»: *«Жил-был старик со старухой. У старика, у старухи было две дочери. <...> Старуха очень не любила своей младшей дочери»* (Афанасьев, № 292). На этом фоне семейная ситуация китайской Золушки выделяется национальным колоритом: ее мачеха – вторая жена отца. Естественно, в русских сказках такой образ встретить невозможно, ведь в русской культуре отсутствовал институт многоженства, в то время как в Китае его отголоски существуют и по сей день.

Интересно обратить внимание на финальную ситуацию в варианте «Бурёнушка», поскольку она предстает в каком-то смысле контрастной и доказывает невозможность двоеженства в русской сказке. Родная дочь мачехи обманом становится женой Ивана-царевича: *«Мачеха обворотила ее [героиню] гусынею, а свою большую дочь срядила Ивану-царевичу в жены»*. Иван-царевич раскрывает обман и возвращает себе Марью-царевну, после чего решает, с какой из жён ему жить: *«Иван-царевич собрал князей и бояр, спрашивает: “С которой женой позволите жить?”»* (Афанасьев, № 101). Бояре выбирают настоящую героиню, а ложную решают казнить. В китайской сказке совершать такой выбор необходимости бы не было.

Следующий общий для всех пяти сказок сюжет – это женитьба на героине царевича/барина/князя/короля. «Е Сянь»: *«После того как король привёз Е Сянь к себе, он женился на ней»* (Дуань Ченши, 2012: 124); «Крошечка-Хаврошечка»: *«Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не знавать»* (Афанасьев, № 100); «Бурёнушка»: *«Тут веселым пирком да за свадебку; взял Иван-царевич за себя Марью-царевну, и стали себе жить-поживать, добра наживать. <...> Тут Иван-царевич взял свое ружье и застрелил подмененную жену, а с Марьей-царевной стал по-старому жить-поживать, добра наживать»* (Афанасьев, № 101); «Чернушка»: *«Вот привезли Машу в княжие терема, и на другой день была свадьба»* (Афанасьев, № 293); «Золотой башмачок»: *«царевич примерил ей баширак – баширак ей ладен. Он взял ее замуж; стали они жить да поживать да добра наживать»* (Афанасьев, № 292).

Здесь можно проследить отличие китайской версии от остальных: в русских сказках свадебный финал преподносится как награда героине за прошлую немилость со стороны мачехи, обычно используется формула *«И стали они жить-поживать да добра наживать»*. В китайской же сказке судьба героини остается для нас отчасти загадкой, поскольку непонятно, было ли замужество для нее желанным. Кроме того, после свадьбы героиня перестает быть главной фигурой, сказочное повествование переключается на образ правителя и его дальнейшую судьбу. Мы предполагаем, что это влияние сильного патриархального сознания: даже в сказке девушка не удостоивается счастливой личной жизни, ее наградой становится лишь повышение социального статуса.

Осмелимся выдвинуть гипотезу, что в древнем Китае такое замужество не гарантировало для девушки счастья, что исключает возможность традиционного русского финала с весёлой свадьбой. После замужества женщина оказывалась включена в сложную и строгую иерархию взаимоотношений «жена – муж» и «жена – наложница», о которых, в частности, пишет в статье «Отношения между женой и наложницей в этике семейной жизни династии Мин» профессор Чен Баолянь (陈宝良). Описание быта женщин, живущих при императоре или вельможе, включает рассказы о коварствах, на которые из ревности к наложницам шли жены. Из статьи видно, что ни статус наложницы, ни даже жены не гарантировал женщине личного счастья, – он давал только материальное благополучие, за которое еще надо было побороться (Чен Баолянь 2010: электрон. ресурс).

Еще одной отличительной особенностью этой китайской сказки является финальное исчезновение волшебного предмета (мотив,

который иногда встречается и в других китайских волшебных сказках, например «Пан И» из того же сборника). *«В первый же год ван жадно просил у рыбьих костей драгоценного нефрита без меры. На следующий год больше не выполнялись его просьбы. Тогда ван захоронил рыбы кости на морском берегу, засыпал их сотней ху жемчуга и поставил ограду из золота, чтобы, когда солдаты восстанут, использовать эти сокровища для армии. Через день морской прилив затопил всё»* (Дуань Чэнши, 2012: 124). Как мы видим, здесь волшебный предмет перестает выполнять пожелания обладателя, а в последствии и вовсе исчезает, что происходит из-за жадности героя.

Итак, китайская версия «Золушки» обладает всеми жанровыми признаками волшебной сказки. Ее героиня – обездоленная девушка, сирота, которая в конце вознаграждена браком с правителем. Сюжет сказки представляет собой комбинацию двух сюжетных типов (СУС 511 и 510А). В первой части героиня получает помощь от костей чудесного животного – большой рыбы, за которой она ухаживала. Как и в русских сказках, героиня не ест мяса волшебного существа (хотя прямой запрет в китайской версии отсутствует). О магической силе костей героиня узнает от старца в холщовой одежде, в образе которого можно увидеть божество или предка-покровителя. Во второй части девушка отправляется на праздник и теряет туфельку, по которой ее находит будущий муж.

По сравнению с русскими версиями, в которых реализуется типичная сказочная поэтика, китайская сказка включает признаки иного жанра, «вторгающегося» ближе к финалу: у истории Е Сянь появляется этиологическая функция, типичная для легенд и преданий. Сказка объясняет топоним *Могилы (насыпь) соболезнования женщинам*, упоминается и о том, что это место почиталось (к могиле приходили просить о хороших невестах). Еще одно своеобразное нарушение повествовательных законов фольклорной сказки можно увидеть в том, что после сообщения о свадьбе главная героиня Е Сянь оттесняется на периферию сюжета, а в центре оказывается ее супруг (классическая фольклорная сказка героя обычно не меняет). В предпочтении мужчины-правителя можно увидеть и выбора автора, именно так пересказавшего устный сюжет, и влияние патриархальных установок китайской культуры. Неожиданным выглядит исчезновение волшебных костей в финале сказки: в русской традиции магические предметы, как правило, остаются у героев, тогда как в китайской сказочной традиции в результате необдуманного поведения люди могут их утратить.

Приложение

Е Сянь

Южане рассказывают, что еще до Цинь и Хань жил глава народа Дун из рода У, и местные люди звали его У Дун. Он взял себе две жены, одна жена умерла и оставила дочь по имени Е Сянь. С детства она была доброй и хозяйственной, вышивала золотом, и отец ее очень любил. Время пришло, и отец умер, и от мачехи досталось ей много горя, та часто посылала ее за хворостом в горы и за водой к глубокому озеру.

Однажды Е Сянь поймала рыбку, длиной в два цуня⁷, с алыми плавниками и золотыми глазами, и стала тайком ее растить в тазу с водой, с каждым днем рыбка становилась всё больше, и пришлось сменить несколько посудин. Когда рыба перестала помещаться и в самой большой, Е Сянь выпустила ее в пруд за домом. Девушка, как раздобудет остатков еды, сразу бросала их в воду, чтобы покормить ее. Когда девушка подходила к пруду, рыба непременно высовывала голову и подплывала к берегу, а если подходили другие, то не показывалась. Ее мать узнала про это, но сколько ни поджидала рыбу, та ни разу не показалась. Чтобы обмануть девушку, она сказала: «Ты не утруждайся – я сама починю тебе куртку». И девушка переделалась. После этого [мачеха] приказала ей принести воды из другого ручья, дорога к которому была в сто ли⁸. Мать же надела ее одежду, в рукав спрятала острый нож и пошла к пруду звать рыбу, только рыба высунула голову, как она ее и зарезала. А рыба уже была длиной в чжан⁹ с лишним, она съела её мясо – оно было во много раз вкуснее обычной рыбы, а кости спрятала под навозной кучей.

На следующий день девушка пришла к пруду, но так и не увидела рыбы и пошла плакать в поле. Вдруг с неба спустился человек с длинными волосами и в холщовой одежде и стал утешать девочку, он сказал: «Не плачь! Это твоя мать убила твою рыбу, а кости [бросила] под навоз. Ты возвращайся, достань кости и спрячь у себя в комнате. Если тебе что-то будет нужно – просто попроси у них, и это тут же появится. Девушка воспользовалась его словами и по желанию получала золото, жемчуга, одежду и еду. Пришло время дунского праздника, мать отправилась туда, а дочери приказала стеречь дом. Девушка подождала, пока мать уйдет подальше, и отправилась вслед,

⁷ Цунь – мера длины, равна 3,6 см.

⁸ Ли – мера длины примерно 450 м.

⁹ Чжан – мера длины в 3,6 м.

надев платье из перьев зимородка и золотые башмачки. Родная дочь мачехи узнала ее и сказала матери: «Вон та уж очень похожа на сестрицу!» Мать тоже заподозрила ее. Девушка почувствовала это, и поспешила вернуться, и потеряла один башмачок, который подобрал один из дунцев. Мать возвратилась и увидела, что девушка спит во дворе, обняв дерево, и не думала больше на нее.

По соседству с дунцами был остров, а посреди острова – государство, называвшееся Тохань. Сильное воинами, оно правило десятью островами, и его границы на воде простирались на тысячи ли. Тот дунец и продал башмачок в Тохань, там он попал к правителю страны, он приказал всем приближенным надеть его, но любая нога была больше башмачка на целый цунь. Тогда он приказал всем женщинам государства примерить его, но не нашлось ни одной, кому бы он подошел. Он был легким, как перышко, а ступая по камню, не издавал ни звука. Тоханьский ван¹⁰ подумал, что тот дунец заполучил его несправедным путем, поэтому заточил его и подверг пыткам, но тот действительно не знал, откуда башмачок взялся. Тогда ван решил, что башмачок кто-то обронил по дороге, и тут же отправились обходить все дома, чтобы найти владельца, [а] если найдется девушка, на ногу которой наденется башмачок, схватить ее и доставить. Тоханьский ван недоумевал. Тогда обыскали комнату Е Сянь, нашли ее, он приказал ей надеть башмачок и только тогда поверил. Е Сянь надела шелковое платье с перьями зимородка, обула башмачки и вошла, похожая на небожительницу. Тогда ван всё узнал, взял рыбы кости и Е Сянь и вместе с ними вернулся в свое государство. Мать и ее родную дочь убили насмерть летящие камни, дунцам было их очень жаль, и они захоронили их в каменной яме и назвали её «Могила [насыпь] соболезнования женщинам». Дунцы считали, что если провести ритуал и попросить у них невесту, то просьба обязательно исполнится.

Тоханьский ван вернулся в свое государство и сделал Е Сянь главной женой. В первый же год ван жадно просил у рыбьих костей драгоценного нефрита без меры. На следующий год больше не выполнялись его просьбы. Тогда ван захоронил рыбы кости на морском берегу, засыпал их сотней ху¹¹ жемчуга и поставил ограду из золота, чтобы, когда солдаты восстанут, использовать эти сокровища для армии. Через день морской прилив затопил всё.

¹⁰ Ван – титул, во многом аналогичный княжескому.

¹¹ Ху – мера объёма, примерно 60 литров.

Историю рассказал давний родственник Чэньши¹² по имени Ли Шиюань. Он сам был дунцем из округа Юнчжоу и помнил много странных историй из Наньчжуна¹³.

Перевел с китайского языка Ван Тэн

Источники/Sources

- Афанасьев, А.Н. (Сост.). (1984). *Народные русские сказки, Т. 1*. Москва: Наука.
URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/texts/af0/af1/af1-508-.htm?cmd=0> (Accessed: 02.02.2021). (In Russian.)
- Афанасьев, А.Н. (Сост.). (1985). *Народные русские сказки, Т. 2*. Москва: Наука.
URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/texts/af0/af2/af2-461-.htm?cmd=0> (Accessed: 05.02.2021). (In Russian.)
- Страбон (1994). *География в 17 книгах* (Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г.). Москва: Ладомир.
- СУС – Барак, Л.Г. и др. (Сост.). (1979). *Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка*. Ленинград: Наука. (In Russian.)
- 段成式. (2012). *酉阳杂俎*. 上海古籍出版社 [Дуань, Чэнши. (2012). *Всякая всячина из Юяна*. Шанхай: Шанхайское издательство древней литературы [Chengshi, Duan. (2012). *Miscellaneous Morsels from Youyang*. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House]]. (In Chinese.)

Литература/References

- Ван, Тэн. (2021). Изучение сказок Китая. В: Данилевская, Н.В., Роготнев, И.Ю. (Ред.). *Континентальные глаголы: Альманах международного клуба*. Пермь: Издательство ПГНИУ [Wan, Ten. (2021). Study of Chinese fairy tales. In: Danilevskaya, N.V., Rogotnev, I.Yu. (Eds.). *Continental verbs: Almanac of the international club*. Perm: Izdatel'stvo Permskogo gos. natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta]. 83-89. (In Russian.)
- Добровольская, В.Е. (2019). «Девушка в хрустальном башмачке» на русской земле: сказка «Золушка» (СУС 510А) в фольклоре и авторском творчестве. В: *XLVIII Международная филологическая научная конференция (СПбГУ, 2019 г.)*: Тезисы докладов [Dobrovolskaya, V.E. (2019). "Girl in a Crystal Shoe" on Russian land: the fairy tale "Cinderella" (ATU 510A) in folklore and authors' creativity. In: The XLVIII International philological scientific conference (St. Petersburg State University, 2019): Preprints]. URL: <https://conference-spbu.ru/conference/40/reports/10127> (Accessed: 03.03.2021). (In Russian.)
- Кун, Ай Лин. (2009). *Обучение китайских студентов чтению русских волшебных сказок (в сравнении с китайскими сказками)*: Автореф. дисс... канд. пед. наук. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена [Kuhn, Ai Lin.

¹² Чэньши – имеется в виду Дуань Чэнши, автор сборника «Всякая всячина из Юяна».

¹³ Сказка была записана со слов слуги при доме Дуань, Ли Шиюань, который был из рода Дон, о котором и ведется повествование.

- (2009). *Teaching Chinese students to read Russian fairy tales (in comparison with Chinese fairy tales)*: Doctoral dissertation abstract. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen]. (In Russian.)
- Ли, Цайся. (2017). *Сравнительный анализ русских и китайских волшебных сказок*: ВКР магистра филологии. Санкт-Петербург: СПбГУ [Li, Tsaisia. (2017). *Comparative analysis of Russian and Chinese fairy tales*: Master's thesis in philology. St. Petersburg: Saint Petersburg State University]. URL: <https://nauchkor.ru/pubs/sravnitelnyy-analiz-russkih-i-kitayskih-volshebnyh-skazok-5a6f88387966e12684eea383> (Accessed: 07.02.2021). (In Russian.)
- Неклюдов, С.Ю. (2017). Что такое палеофольклор? В: *Живая старина* № 2 (94) [Neklyudov, S.Yu. (2017). What is paleofollore? In: *Living Antiquity* № 2 (94)]. 2-5. (In Russian.)
- Рифтин, Б.Л. (1970). Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (Устные и книжные версии «Троецарствия»). *Исследования по фольклору и мифологии Востока*. Москва: Наука [Riftin, B.L. (1970). Historical epos and folklore tradition in China (Oral and book versions of the Three Kingdoms). *Studies on folklore and mythology of the East*. Moscow: Nauka]. (In Russian.)
- Рифтин, Б.Л. (1972). *Китайские народные сказки*. Москва: Художественная литература [Riftin, B.L. (1972). *Chinese folk tales*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura]. (In Russian.)
- Рифтин, Б.Л. (1961). *Сказание о Великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре*. Москва: Издательство восточной литературы [Riftin, B.L. (1961). *The legend of the Great Wall and the problem of the genre in Chinese folklore*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury]. (In Russian.)
- Старостина, А.Б. (2017а). Чжун Куй – бесоед и судья потустороннего мира. В: Антонов, Д.И., Христофорова, О.Б. (Ред.). *In Umbra. Демонология как семиотическая система, Вып. 6*. Москва: Индрик [Starostina, A.B. (2017а). Zhong Kui is a devil and a judge of the other world. In: Antonov, D.I., Khristoforova, O.B. (Eds.). *In Umbra. Demonology as a semiotic system, Issue 6*. Moscow: Indrik]. 203-216. (In Russian.)
- Старостина, А.Б. (2017). Сюжеты о Волосатой деве в средневековой китайской литературе. В: *Живая старина* № 2 [Starostina, A.B. (2017). Plots about the Hairy Maiden in Medieval Chinese literature. In: *Living Antiquity* № 2. 21-23]. 21-23. (In Russian.)
- Зуева, Т.В., Кирдан, Б.П. (1998). *Русский фольклор: Учебное пособие*. Москва: Флинта, Наука [Zueva, T.V., Kirdan, B.P. (1998). *Russian folklore: Textbook*. Moscow: Flinta, Nauka]. (In Russian.)
- 陈宝良. (2010). 明代家庭生活伦理中之妻妾关系. [Чен, Баолян. (2010). Отношения между женой и наложницей в этике семейной жизни династии Мин [Chen, Baoliang. (2010). The relationship between wife and concubine in the ethics of family life in the Ming Dynasty]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/f4ef950cba1aa8114431d93e> (Accessed: 25.05.2020). (In Chinese.)
- 段宝林. (1998). *中国民间文学概要 (增订本)* 北京 (北京大学出版社) [Дуань, Баолин. (1998). *Краткое изложение китайской народной литературы*

(обновленное издание). Пекин: Издательство Пекинского университета [Duan, Baolin. (1998). *Summary of Chinese folk literature* (updated edition). Beijing: Peking University Press]. (In Chinese.)

天鷹. (1981). *中国民间故事初探*. 上海: 上海文艺出版社 [Тянь, И. (1981). *Появление китайских народных сказок*. Шанхай: Издательство Шанхай Вэньи [Tian, Ying. (1981). *The Emergence of Chinese folk tales*. Shanghai: Shanghai Literature and Art Publishing House]]. (In Chinese.)